

© 1993 г. ТАТАРИНЦЕВ Б.И.

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЛИ ИСКОННАЯ ЛЕКСИКА?
(К проблеме древних слов иноязычного происхождения
в тюркских языках)*

10. В ситуации со словом **köddäč* мы, по всей вероятности, имеем дело практически с включением иноязычного, внешне сходного с тюркским по происхождению слова в число вариантов последнего в результате скрещивания исконных (первичных) и заимствованных (вторичных) форм.

В случае скрещивания появляется возможность представить гибридную форму как одну из исходных (как это было с вариантами праформы слова *köddäč*)²³, даже как единственно возможную исходную форму этимологизируемого слова. При отсутствии элементов скрещивания форм, т.е. при "прямом" включении заимствования в число вариантов слова, возникает вероятность (опасность) того, что все варианты (формы) будут сведены к одному, заимствованному, вторичному и, скорее всего, гетерогенному по отношению к остальным.

На наш взгляд, все указанные возможности представления "инородного" слова как праформы исконного реализуются в публикации И.Н. Шервашидзе.

В этом плане, в частности, вызывает сомнения исходная форма тюркского названия чугуна **čodīn*, которая возводится к ср.-кит. *čü-duŋ* "литая медь" [9, с. 61–62] (в то же время отвергаются другие "китайские" версии происхождения этого слова, принадлежащие М. Рясенену и Г. Дёрферу).

Реконструкция данной праформы базируется фактически на единичной письменной фиксации слова в форме *čodīn* и со значением "медь" (словарь Махмуда Кангарского). Считается, что непосредственно к этой форме восходит современное название чугуна, существующее в ряде тюркских языков, в вариантах *čojīn* ~ *čojun* ~ *žojīn*, но вполне возможно, что изолированная форма *čodīn* есть не что иное, как результат контаминации тюрк. *čojīn* ~ *čojun* и ср.-кит. *čü-duŋ*.

Об этом свидетельствует, с одной стороны, соответствие конечных *-n* ~ *-ŋ* (подобные случаи уже комментировались нами) и сохранение широкого гласного

*Окончание. Начало см.: ВЯ, 1993, № 1.

²³ Подобное, возможно, имеет место и в случае **latu(g)* "ад, преисподняя" [9, с. 77]. Это слово исследователи довольно единодушно относят к числу согдийских заимствований. Скорее всего, сближение слова с согд. *latw* "ад" также в определенной степени оправдано. Тем не менее у тюркского слова есть вариант с конечным *-g*, и этот компонент в свете предлагаемой этимологии неясен. Не яносит ясность в вопрос о его происхождении и И.Н. Шервашидзе, по мнению которого «конечный *-g(-y)* либо отражает иранскую суффиксацию (возможно, — ингредиент сложения **lataka-ahū-* "мрачный мир" в противоположность "светлому миру" — "раю"), либо развит на тюркской почве» [9, с. 72]. Первое объяснение по фонетическим причинам маловероятно. Если принять последний вариант объяснения, то остается непонятным, почему оказался "развит" этот конечный *-g* и что он собой представляет. Если признать его аффиксом (в чем едва ли могут быть сомнения), то *latu(g)* структурно членимо и является производным именем. Кстати, существует и вариант *latu-k*, соответствия которого зафиксированы как в памятниках, так и в современных тюркских языках.

Интересно отметить, что в основном именно у форм с конечными согласными, кроме "инфернального" значения, отмечена также семантика типа "глубокая яма", "погреб", "пещера" и т.п., появление которой трудно связать с иранским (согдийским) влиянием. Натяжкой было бы, пожалуй, считать указанную семантику результатом развития (первоначального) значения "ад". В этом случае, мы, скорее, сталкиваемся с совмещением заимствования *latu* "ад" и ранее существовавших тюркских слов (образований на *-g* и *-k*), обозначающих углубления, глубокие полости и т.п.

[o] в первом слогѣ, а с другой — семантика слова, вероятно, отразившая китайское влияние²⁴, подобно тому, как интервокальный -δ- отразил кит. -d-²⁵.

Здѣсь, как и в случаѣ со словом *kōddāč, прослѣживается лишь внешнее сходство с той ситуацией, когда в тюркских словах в действительности налично чередование согласных d(δ) ~ z ~ j: в собственно тюркском названіи чугуна типа čojīn существовал, по всей вероятности, только интервокальный -j-.

Это подтверждается и односложными вариантами вышеприведеннаго названія, характерными, в частности, для сибирских тюркских языков (čoj ~ čōj ~ šoj). Исходя из *čodīn, в тувинском языкѣ следовало бы ожидать не šoj, а *šot. При этом -j в тув. šoj имеет назализованный характер (-j̄-), что предполагает, в лучшем случаѣ, исходный *-j [35, с. 299—301]. Ср. также саг., койбал. soj, совр. хак. sojīn "чугун" при ожидаемых соответственно *zos и *sozīn.

По мнѣнію Г. Дѣрфера, разделяемому и И.Н. Шервашидзе, односложные формы — итог упрощенія двусложнаго *čodīn > čojīn, вызваннаго переосмысленіем -īn как посессивнаго аффикса 3 л. ед. ч.²⁶.

Едва ли, однако, можно уверенно говорить о таком, в духѣ народной этимологии, переосмысленіи структуры слова, тем болѣе что нельзя считать доказанным его иноязычное происхожденіе. А в этом случаѣ ошибочно было исходить из первичности двусложных и вторичности односложных вариантов тюркскаго названія чугуна. В реальности исходными могли быть, напротив, как раз односложные варианты, из чего, естественно, и исходят другіе исследователи (см., например [23, с. 131—132]).

При установленіи этимологии указаннаго названія целесообразно учитывать то обстоятельство, что в рядѣ языков, как индоевропейских, так и "алтайских", отмечены наименованія чугуна, связанные со словами, которые означают "лить", "литье", "литой" [34, с. 41—42]. Ср., к примеру, тур. dökme "литье, выплавка; разлитый, вылитый, отлитый, литой", dökme demir "чугун" (букв. "литое железо") < dök- "лить, выливать; сыпать; лить в форму, отливать"...

Семантика типа "лить" и под., судя по имеющимся данным, могла быть мотивирующей и в случаѣ čoj ~ čojīn ... "чугун". Можно допустить, в частности, существованіе в прошлом глагольной основы *čo- (čō-) > šo- "лить": ср. салар. čoy (< čo-γ?) "большая железная ложка" (в свою очередь, сопоставляемое с тур. soğlu "черпак с длинной ручкой; сачок рыбака") [17, с. 312]²⁷. Возможна и связь *čo- (*čō-) с чаг. čötmän (< čō-män) "необработанное железо", которое М. Ряснен под вопросом связывал с čoj, čōj "чугун" [42, с. 117]; здѣсь следует принять во вниманіе, что иногда этим словом обозначался не только собственно чугун, но и, судя по некоторым источникам, тот исходный продукт, из котораго он производился: ср. в этом планѣ тел. čoj "чугун, железная руда" [15, III, стлб. 2003].

В тюркских языках существует также ряд слов, которые могут быть связаны с залоговыми или "распространенными" формами названных глагольных основ (хотя за это нельзя поручиться во всех нижеприводимых примерах): тур. çolun (рыбол.) "сетной ковш", кбалк. çolrı "половник, поварешка", туркм. çolrı "черпалка, черпак", др.-тюрк. çorıq "большой сосуд для омовенія", тур. çorıq "водоем, бассейн, яма для стока дождевой воды, используемой для поливки

²⁴ И.Н. Шервашидзе, правда, полагает, что значеніе "медь" у čodīn Махмудом Кашгарским определено неточно [9, с. 61].

²⁵ Исходя из того, что выше было сказано о происхожденіи слова altun "золото", нельзя согласиться с утвержденіем И.Н. Шервашидзе о тождествѣ компонентов -dīn в čodīn и -tun в altun [9, с. 62].

²⁶ Точнее, -īn представляет собой сочетаніе двух формантов: -ī и -n, первый из которых является указанным посессивным аффиксом, а второй — аффиксом аккузатива.

²⁷ Ср. также башк. çır "минеральная вода, минеральный источник; плач растений, весенний плач (теченіе древеснаго сока весной из пораженных мѣст)".

овощей", салар. *čoltoŋ* "пруд, бассейн во дворе", кирг. *čordon* "место родника, где вода выходит из земли", кбалк. *šorka* "ручей, поток; волна; водоворот, омут; водосточная труба"²⁸.

Среди "распространенных" глагольных основ — туркм. *čoy-* "литься через край; кипеть, бурлить, бить ключом". С подобной основой, вероятно, следует связать вариант названия чугуна типа **čoyun*²⁹, который вызывает сомнение И.Н. Шервашидзе в качестве "старой самостоятельной основы" [9, с. 61].

Наконец, реально и существование варианта подобной глагольной основы **čoj-* (**čöj-*): ср. чулым.-тюрк. *šoj-γo* "черпак". С ней соотносительно односложное название чугуна *čoj* ~ *čöj* ~ *šoj*, сохранившееся в своем первоначальном значении в немногих тюркских языках³⁰, и, по-видимому, производными от нее являются двусложные наименования этого вида типа **čojun*.

От той же основы, но с помощью иного форманта (*-gun*) образованы производные типа **čojgun*, которые сопоставляются, в частности, с алт., тел. *čojγon* "железный сосуд; чайник", тел. *čöjgön* "чайник", тар. *čöjgün* "железная бадья" [9, с. 61]³¹.

Г. Дёрфер объясняет появление формы названия типа **čojgun* как следствие контаминации **čodün* (> **čöjün*) и **čogun*. Оспаривая эту версию, И.Н. Шервашидзе, в свою очередь, считает появление формы **čojgun* результатом контаминации основ **čajgun* и **čöjün* (< **čodün*). **čajgun* же он относит к числу поздних китайских заимствований [9, с. 61, 62]³². Однако обе эти версии, с учетом ранее сказанного, выглядят излишними.

Кстати сказать, формы типа алт. *čojγon*, тел. *čöjgön* отражают, возможно, первоначальные формы **čojgan* ~ **čöjgen*, а не **čojgun* ~ **čöjgün*, или, иными словами, здесь можно говорить еще об одном морфологическом варианте названия чугуна: отглагольном образовании на *-gan* ~ *-gen*. Ср. также тур. *çöygen* "чугун" [46], гагауз. *čüven* (< **čügen?*) тж., каз. диал. *šöjgen* ~ *šögen* "чугунный рукомошник, чугунок" [23, с. 131], часть из которых — возможно, производные не от **čöj-*, а от **čö-* (*čüven*, *šögen*).

Реконструированная выше глагольная основа **čo-* ~ **čö-*, **čoj-* ~ **čöj-*, вероятно, гомогенна с распространенным в тюркских языках глаголом *čüj-* "подбрасывать", *čüw-* "бросать, поднимать" и под. (ср. туркм. *čüwdür-* "лить струей") [47], если в этом случае нет контаминации разных глагольных основ (со значениями "лить" и "бросать")³³.

С *čüj-* ~ *čüw-*, очевидно, связано салар. *čöj-* ~ *čüj-* "бросать, оставлять; ставить, класть; сбрасывать, снимать (одежду, обувь)"; ср. также тур. *çöğ-* "приземляться, падать на землю (о чем-то брошенном)", *çöğen-* диал. "поднимать голову, подниматься". В свою очередь, вероятно связь подобных основ с существительным **čögän* "клюшка, ракетка", трактуемым И.Н. Шервашидзе,

²⁸ Ср. также, в частности, карачаево-балкарские звукоподражательные слова типа *šork*, *šolp*, *šop*, обозначающие шум льющейся воды [45, с. 752], а также распространенное в тюркских языках слово *šor* или *šor šor* с подобной же семантикой.

²⁹ Впрочем, здесь вероятна и непосредственная связь с каз. глагольной основой *čo-*: *čoyun* в принципе членимо как **čoy-un* и как *čo-un*.

³⁰ В некоторых других тюркских языках односложный вариант этого названия сохранился только в составе устойчивых сочетаний вроде каз. *šaj kazan* "литой, чугунный, большой казан". Вместе с тем, как полагает А.Т. Кайдаров, соответствия этого слова сохранились в отдельных языках с вторичной, преобразованной семантикой "массивный, крепкий, твердый" и под. [23, с. 131—132, 303].

³¹ Судя по материалу, его источником был словарь В.В. Радлова. Стоит отметить, что в нем даются переводы значений слов на русский и немецкий языки, которые не всегда совпадают. Так, тар. (= уйг.) *čöjgun* переводится "железный кувшин", а тел. *čöjγon* — "чугунок" [15, III, стлб. 2003, 2033—2034].

³² Реальность основы **čajgun* в тюркских языках вызывает у нас сомнения; эти слова восстанавливаются, фактически исходя лишь из бар. *čajgun* "медный чайник", особенности звукового облика которого В.В. Радлов, а вслед за ним Г. Дёрфер объясняют достаточно убедительно.

³³ Ср. также глагольную основу **сб-* "бить, ударять" ..., "дуть", реконструированную на ином материале [23, с. 151].

вслед за другими, как заимствование из н.-перс. *čōgān*, *čaugān* тж. [9, с. 74]. Однако возникает вопрос, не имеет ли и в этом случае место контаминация тюркского и нетюркского по происхождению слов.

В начале данного раздела мы говорили о возможности "прямого" включения заимствования в число вариантов слова. Не исключено, что подобное имело место в случае **āb* "жилище, становище", возводимом Е.Д. Поливановым к ср.-кит. *'ip* (др.-кит. **'əp*) "поселение, населенный пункт...", с чем соглашается и И.Н. Шервашидзе, говорящий о вероятности передачи кит. *-p* через *-b* [9, с. 56].

Вероятно, у тюркских форм типа *āb* ~ *āp* существуют точки соприкосновения с китайским словом, хотя сложно было бы конкретизировать, какие из них непосредственно связаны с последним. Однако есть определенная натяжка в возведении к нему или к праформе **āb* таких вариантов слова, как *öb*, *öj*, *üj* (как это делает Шервашидзе), а также — *ög*, скорее всего, гомогенного с вышеуказанными вариантами

Э.В. Севортян обратил внимание на то, что тюркские глагольные основы типа *öbür-* ~ *evir-* "поворачивать, повертывать" «повторяют соответствующие формы для "дом", т.е. *eb* ~ *ev* ~ *öb* ~ *üv* ~ *ög* и т.д.», и высказал предположение о происхождении указанных основ от *eb/ev* "юрта, дом" [2, с. 499]. С этим предположением трудно согласиться, но рациональное зерно в рассуждениях Севортяна, бесспорно, имеется: приводимые глаголы и имена вполне могут быть гомогенными.

Глагол *öbür-* и, по-видимому, родственный с ним *egir-* (также означающий, в числе прочего, "поворачивать"³⁴) связаны с тюрк. *eg-* и под. "гнуть, сгибать", о чем говорилось еще Г. Вамбери, а затем В. Бангом (см. [2, с. 230]). В свою очередь, среди соответствий *eg-* имеются основы со значениями "плести" и "складывать" [2, с. 331], среди производных, считающихся родственными *öbür-* — тур. диал. *evür* "шпеленчатая или конопляная скирда, сложенная шатром" [2, с. 499]; среди значений некоторых коррелятов глагола *egir-* и соотносительных с ними имен — соответственно значения "собирать в кучу", "место, куда сгоняют скот для отдыха" [2, с. 229].

В связи с этим небезынтересно мнение В.Г. Егорова, согласно которому «слово *үй*, *үй*, *өй*, *өг*, обозначавшее позднее "дом", первоначально имело значение глагола "собирать, складывать в кучу"» [48].

В семантико-типологическом плане вышеприводимые тюркские глаголы и имена можно сопоставить со значительным материалом и.-е. языков, где значение "дом" соотносится со значением "гнуть > плести > строить" (ср. также наличие родственных слов со значениями "куча" и "дом") [49].

Приводимые нами ранее данные, во всяком случае, свидетельствуют о наличии надежных исконно тюркских "корней" рассматриваемого названия дома (первоначально, вероятно, — жилья типа юрты или кибитки). Оговоримся, однако, что пока представляется сложным уверенно реконструировать праформу этого слова, для чего требуются дополнительные разыскания.

11. И.Н. Шервашидзе говорит об "обилии монголизмов" в современных тюркских языках, отмечая в то же время, что "в общетюркской лексике (во всяком случае, среди слов, зарегистрированных в письменных памятниках до XIII в.) монголизмы почти полностью отсутствуют" [9, с. 84]. Однако он все-таки предполагает, что "тщательные поиски позволили бы обнаружить некоторое количество ранних монголизмов в тюркском [9, с. 84, примеч. 37].

В принципе такая возможность не исключена, но приводимые исследователем примеры таких заимствований представляются небесспорными. Он, в частности, считает, что тюрк. **kīragu* "иной" (с XI в.) < монг. *kīrayu(n)* тж. и выражает несогласие с Г. Дёрфером и Дж. Клосоном, по мнению которых направление

³⁴ Как считает Э.В. Севортян, общность глагольных основ *öbür-* и *egir-* является результатом "лексико-семантического сращения" разных по происхождению слов [2, с. 229, 499], но это мнение нельзя считать доказанным.

заимствования в этом случае является обратным. Свою точку зрения автор аргументирует тем, что вероятной параллелью для монг. *kīrayu(n)* является тюрк. **kār* "снег" и что "тюрк. **kīragu* естественно рассматривать как вторичное заимствование из монгольского" [9, с. 84, примеч. 37].

Но **kīragu* — это только один, хотя и наиболее распространенный, из морфологических вариантов названия инея, изморози или сходных с ними природных явлений в тюркских языках: ср. хак. диал. *xīrig* "ине́й", тур. *kırç* "обильный иней", татар. *kīrpak* [kar] "пороша, первый снег", каз. *kīrbak* "пороша; снежная крупа" и под. Эти сопоставления вызывают сомнение в гомогенности **kār* и *kīrayu(n)* и, скорее, подтверждают мнение оппонентов И.Н. Шервашидзе о заимствовании монгольского слова из тюркских языков.

Слово **bāčīn* "обезьяна" отнесено "к числу несомненно заимствованных слов (разрядка наша. — Т.Б.) той группы, точное происхождение которых довольно трудно проследить" [9, с. 78]. Автор, вслед за Н. Поппе и Л. Лигети, считает, что "непосредственным источником тюркской формы может быть монг. *bečīn*," а последнее, вероятно, "восходит к **betīn* (развитие *ti* > *či* характерно для монгольского, но отсутствует в тюркском)" [9, с. 78].

В конечном же счете Шервашидзе связывает происхождение названия обезьяны с и.-е. языками (с греческим или, с меньшей степенью вероятности, — с иранскими), признавая, однако, что в первом случае "не удастся преодолеть фонетические трудности, связанные с вокализмом", а "альтернативная иранская этимология... представляет еще бо́льшие фонетические трудности..." [9, с. 78]³⁵.

Неясно, как в подобной ситуации можно говорить о "несомненно заимствованном слове", тем более что даже не предпринималось попытки установить его генинную этимологию. Большую осмотрительность проявил Э.В. Севортян, говоривший о вероятности нетюркского происхождения рассматриваемого слова, хотя им приводился более широкий и.-е. "фон", нежели в работе Шервашидзе. С Севортяном можно согласиться и тогда, когда он резко ограничивает возможности проявления здесь монгольского влияния [14, с. 129] на слово, достаточно широко распространенное в тюркских языках, особенно в памятниках.

В принципе можно говорить о реальности существования у названия обезьяны варианта **betīn*, что, в частности, подтверждается чаг. *pādin* "дикая обезьяна", приводимым и в словаре Э.В. Севортяна, но не прокомментированным им [14, с. 128].

Считаем возможным связать этот вариант названия с глаголами якутского языка *bitij-* "топаться на одном месте; прыгать; плясать, танцевать; парить, трепетать в воздухе (о птицах)" [50, стлб. 479] или, согласно другому источнику, — "плясать, топчась на одном месте" [51, с. 72], *bietej-* "мерно раскачиваться" или "раскачиваться (вися в воздухе)", *bietegne-* "вздвигаться на дыбы и при этом раскачиваться" [50, стлб. 458; 51, с. 73; 52]. Ср. также азерб. *bit-* "вращаться вокруг своей оси с быстротой, при которой получается впечатление неподвижности; плавно кружиться на месте" [14, с. 132], узб. *pitir pitir* "беспокойный, суетливый", *pitrak* "вертлявый, подвижный, живой", якут. диал. *bötöj-* "бежать галопом, идти вскачь (о лошади)" [44, с. 69], *bötöröŋ* "галоп", *bötös* "удалой, шустрый (о подростках и молодых людях)". Мотивировка названия обезьяны в связи с указанными действиями и признаками в целом ясна.

Вместе с тем едва ли можно уверенно утверждать, что форма **betīn* (или **bitīn*) была исходной для **bečīn* (~ **bāčīn*). Отметим, что в тюркских языках есть слова (в том числе и с образными основами), имеющие в своей форме и семантике точки соприкосновения; одни из них характеризуются *-i-*, а другие —

³⁵ Обстоятельный критический анализ иранских этимологических версий дает I. Дёрфер [4, II, с. 383].

интервокальными шипящими или свистящими щелевыми (возможно, аффрикатами): ср., в частности, *bez-* "дрожать" [14, с. 105], с которой, возможно, связаны кирг. (=каз.) *bezän* [*bezän bezän etti* "он бежал галопом", *bezändä-* "бежать скачками, прыжками (о зайцах)"] [15, IV, стлб. 1632], башк. диал. *bizgäklä-* "метаться от укусов мух (о животных)", *bizdängä-* "вести себя беспокойно" [53], кирг. *bezilde-* ~ *bezilde-* "проявлять сильное беспокойство; беспокойно метаться", кбалк. *mezgediü* в сочетании *mezgediü teke* "маска аксакала (персонажа народного театра в период сенокоса, надевающего маску из войлока и развлекающего косарей шутками, танцами и т.п.)" (первоначальное значение слова *teke* — "козел") [45, с. 43, 464, 617—618], (?) туркм. *beği* "быстро, скоро".

Наиболее распространенный вариант названия обезьяны в тюркских языках мог быть связан с глагольной основой подобного же типа, но содержащей в своем составе глухую аффрикату $\check{c}$: $*b\check{c}(i)-$ ~ $*m\check{c}(i)-$. Последняя, судя по данным туркменского языка (*bigin*, *bijgin* "обезьяна") и некоторым другим (узб. диал. *beğin*), могла варьировать со звонкой аффрикатой $\check{g}$ ³⁶.

Первоначально слово, вероятно, не имело значения "обезьяна". Ср., например, тюменско-татар. *bicin* "злой дух", значение которого могло быть более древним по сравнению с первым: переход значений типа "злой дух" → "обезьяна" прослеживается, например, в телеут. *almın* "леший, злой дух; обезьяна" [15, I, стлб. 439] < письм.-монг. *albin* "бес, злой дух".

В отдельных тюркских языках соответствия названию обезьяны имеют также семантику "рыба", "божья коровка", "водяной жук" и под.³⁷, связь которой со значением "обезьяна" Э.В. Севортян считает неясной и полагает, что в некоторых подобных случаях «скрыта народная этимология (ср. *мечин* ~ *межсек* "насекомое", "козявка")» [14, с. 128]³⁸. Это допустимо, но вполне вероятно, что в этих единичных значениях (как и в значении "злой дух" в том числе) "скрыта" и более старая семантика слова, обозначавшего подвижных (прыгающих, плавающих, летающих) существ, реальных или мифических, из первичного окружения древних тюрков. Их названия затем были перенесены на новое для них, экзотическое животное — обезьяну.

Возможно, первоначально этот перенос наименования был связан с заимствованием тюрками у китайцев 12-летнего животного цикла (см. об этом [54]), девятый год которого носит название "года обезьяны".

Стоит отметить, что в публикации И.Н. Шервашидзе встречаются и более вероятные, нежели $*b\check{c}in$, слова монгольского происхождения в тюркских языках, хотя такое их происхождение не всегда признается автором публикации. Это можно объяснить тем, что подобные монголизмы скорее всего являются поздними, появившимися в тюркских языках не ранее XIII в., а таковые И.Н. Шервашидзе не рассматриваются (см. [9, с. 54, примеч. 1]).

Чаще всего они (в конечном счете) являются весьма вероятными китаизмами, но попавшими в современные тюркские языки, вероятно, через посредство

³⁶ Исходя из имеющихся данных, едва ли можно принять тот вариант праформы слова ($*b\check{c}in$), который приводится в [9, с. 78]. Так, "гласный первого слога неустойчив — и ~ е, но в большинстве памятников его читают как и..." [14, с. 128]. Поэтому скорее этим гласным был не $\check{a}$, а i или e . "Первичная" долгота его также проблематична. По мнению Э.В. Севортяна, "звонкая аффриката... в туркменском образовалась, вероятно, под влиянием -ш-" [14, с. 128], но здесь не исключено и обратное влияние. Что касается алт., тел. *mācin* (по материалам Радлова и Будагова), приходящего в той же работе Э.В. Севортяна в обоснование первичности долгого гласного, то в нем долгота, вероятно, вторична и представляет собой типичный для тюркских языков Южной Сибири случай удлинения широкого гласного первого слога перед последующим узким гласным.

³⁷ Нет ли также связи с рассматриваемым словом у татар. *māci* "кошка", карач.-балк. *mači* ~ *mači* ~ *meč* "кот, кошка", по форме заметно отличающихся от таких распространенных в тюркских языках названий этого животного, как др.-тюрк. *miš*, *miškič*, каз. *mišk*, вост.-тюрк. *mišik*, уйг. *möšük* и т.д.

³⁸ Кроме того, в основе приведенных наименований могут быть сходные по форме, хотя и не обязательно гомогенные, дескриптивные (образные) слова.

монгольских, которые, таким образом, явились непосредственными источниками подобных слов в тюркских языках.

Эти слова, правда, встречаются в древнетюркских памятниках (как правило, не ранее XI в. и частично, возможно, на правах окказионализмов), но в современных тюркских они получили слабое распространение, ограничиваясь языками Сибири, отчасти казахским и среднеазиатскими тюркскими языками, где монгольское влияние заметно ощутимо, хотя и в разной степени.

Наличие подобных слов в памятниках и в современных тюркских языках, таким образом, не всегда есть свидетельство их единого происхождения, поскольку их непосредственные источники могут быть различны.

К числу подобных слов, вероятно, принадлежал китаизм **bakši* (**bagši*) "учитель, наставник", относительно которого И.Н. Шервашидзе, однако, отмечает как заслуживающее внимания указание Дж. Клосо́на "на то, что реально слово отсутствует в тюркских источниках с IX по XIV в., а потому современные формы... могут не отражать непосредственно древнетюркскую форму, но представлять собой заимствования из монг. *baγši*..." [9, с. 57].

В случае **bur-хан* (**bur-qan*) "Будда", судя по ареалу его распространения в современных тюркских языках и по общемонгольскому характеру его ближайшего соответствия (типа письм.-монг. *burхан* и проч.), перед нами явный монголизм в этих языках, но возможность такой этимологии не рассматривается [9, с. 59—60], как и в случае **lū* "дракон" [9, с. 67]. Последнее, судя по ареалу и современным формам, несколько отличным от древнетюркских (древнеуйгурских), может быть связано с монгольским источником [2, с. 591]¹⁹.

Слово **tajši* "старший наставник; знатный человек", представленное в др.-уйг. текстах, как предполагается, сохранено в тувинском — *tajži*, *taži* "дворянин, царевич" [9, с. 68], но в примеч. 18 на той же странице говорится уже о возможности того, что "приведенная... тувинская форма... на самом деле заимствована из монгольского" (это уже ближе к истине).

Сходная ситуация — с **tojin* "(буддийский) монах" [9, с. 68], сохранившимся только в якут. *tojon* "господин, хозяин, начальник". Автор оспаривает мнение Дж. Клосо́на, истолковавшего якутское слово как монгольское заимствование, и считает, что "для такого предположения... как будто бы нет оснований..." [9, с. 68, примеч. 19].

На самом же деле якут. *tojon* по форме фактически одинаково близко как к тюрк. **tojin*, так и к монг. (в частности, письм.-монг.) *tojin*, а по семантике оно определено ближе к последнему, означающему, в частности, "буддийский монах благородного происхождения, сын нойона или тайджия" [55]; ср. совр. монг. *tojin* "лама, монах из дворян" [56].

В связи со сказанным нам вообще представляется неоправданным расширение понятия "общетюркский", отмечающееся в статье И.Н. Шервашидзе, где, в частности, общетюркской считается "всякая лексика, засвидетельствованная в древнетюркских письменных памятниках не позднее XI в. ...и при этом представленная хотя бы в нескольких современных тюркских языках" [9, с. 54].

Э.В. Севортян под термином "общетюркский" понимал первоначально "языковой факт, отмеченный во всех живых тюркских языках и сохранившийся в памятниках" [57]. Затем в это понимание были внесены коррективы, и, например, под общетюркскими основами стали подразумеваться основы, которые представлены во всех ареальных (классификационных) группах тюркских языков [2, с. 25]. В научном обиходе как общетюркские воспринимаются языковые факты, встречающиеся в большинстве тюркских языков [12, с. 70].

То чрезмерно расширенное понимание термина "общетюркский", что было

¹⁹ Кстати, И.Н. Шервашидзе склоняется к тому, чтобы предпочесть для этого слова тибетоязычный источник. Но контакты с подобными источниками характерны в большей степени для носителей монгольских, нежели тюркских языков.

принято И.Н. Шервашидзе, позволяет ему увеличить численность предполагаемых заимствований в тюркских языках, но далеко не все из этих слов можно считать общетюркскими в принятом значении данного термина.

Кроме того, расширительная трактовка термина увеличивает возможность привлечения случайных языковых фактов, в частности «"окказиональных" заимствований в древнетюркском, не сохранившихся в современных языках», каковые автор полагал необходимым исключить из рассмотрения в своей публикации [9, с. 54].

Думается, однако, что суть дела в принципе не меняется и в том случае, если иноязычные заимствования в древнетюркских памятниках имеют соответствия в нескольких современных тюркских языках. Как можно было убедиться, исходя из ряда примеров, рассмотренных выше в данном разделе, непосредственные источники подобных слов в памятниках древнетюркского языка (или языков), с одной стороны, и современных языках, — с другой, могут оказаться различными.

Нужно также отметить, что некоторые конкретные слова, включаемые И.Н. Шервашидзе в число общетюркских (например, **tajši* и **tojin*, о которых шла речь выше), не соответствуют и тому пониманию термина "общетюркский", которое принято в статье автора, поскольку отмечены не в нескольких, а лишь в единичных современных тюркских языках⁴⁰.

12. Нашу публикацию хотелось бы завершить обзором ряда других слов, относимых И.Н. Шервашидзе (и часто другими исследователями) к числу заимствований. Мы ограничиваемся обзором, поскольку, во-первых, связаны объемом статьи, а во-вторых, в некоторых случаях о происхождении слов было уже сказано достаточно подробно в других работах (опубликованных или находящихся в печати).

а) Среди предполагаемых китаизмов определенные сомнения вызывает **bāngu* "вечный" [9, с. 58] (в том числе и своим "несингармоничным" обликом). В частности, оно членимо, или по крайней мере можно говорить об односложной форме *теп* "вечный" (в тюркском переводе Гулистан'а Са'ди, на что обращал внимание Э.В. Севортян) [14, с. 114]; ср. также др.-тюрк. *meṅlär* "вечно, навечно; всегда" [28, с.343], где явно выделяется та же основа *теп* (< *теп-lä-p*).

Слово **ka* "семья; родственники" [9, с. 66] в такой форме и с такой семантикой реально не отмечается. Как констатирует И.Н. Шервашидзе, в памятниках оно употребляется только как компонент слов *qadaš* и *qa qadaš* // *qayadaš* "родственники" и др.⁴¹, а в современных языках распространено слабо (ср. тув. *ха* "старший брат"). Считается, что **ka* восходит к ср.-кит. *ka* "семья, семейство; род; родня, родственники". Но, думается, не исключена связь с др.-тюрк. глагольной основой *ka-* "соединять; скаладывать (вместе)". Китайская версия вместе с тем не позволяет разъяснить, по-видимому, связанное с **ka* другое др.-тюрк. слово — *kab* ~ *kap* "близкий, кровный родственник" [28, с. 399, 420] и некоторые другие связываемые с ним термины родства [58].

⁴⁰ Отступлением от принятого И.Н. Шервашидзе понимания термина "общетюркский" является и выдвигаемое им положение, согласно которому "в отдельных случаях иноязычное слово может оказаться общетюркским и при отсутствии древнеписьменной фиксации" [9, с. 54]. Это положение реализуется во включении в список заимствований и.-е. происхождения нескольких слов, не отмеченных в древнетюркских памятниках [9, с. 83—84]. Относительно подобных случаев сказано: "Отсутствие ряда... индоевропейцев в старописьменных памятниках... может объясняться либо поздним заимствованием, либо, что вероятнее, проникновением их только в периферийную, древнетюркскую диалектную зону" [9, с. 84]. Однако предпочтение, отдаваемое именно этой, последней версии объяснения, не выглядит достаточно убедительным. Объявляя все эти или подобные им случаи древними (= ранними) заимствованиями, мы рискуем искусственно "удревнить" слова относительно позднего происхождения.

⁴¹ См., однако, самостоятельное употребление *ka* "родич; родственник" в древнеуйгурском источнике [31, с. 352].

б) Среди предполагаемых иранизмов фигурирует название волка (**bōri*) [9, с. 72—73]. Однако применительно к нему иранская версия выглядит неубедительно, и ее считают сомнительной из-за фонетических трудностей не только Г. Дёрфер (что упоминается И.Н. Шервашидзе), но и Э.В. Сечуртян [14, с. 221]. К тому же определенный вклад в разрушение этой версии вносит и сам автор, отвергающий мнение о единстве этого названия в иранских языках и не высказывающий возражения против предположения о тюркском происхождении осет. *bīræy* || *beræy*, с которым чаще всего сопоставляется тюрк. **bōri*.

Это слово вполне могло быть исключено из публикации, так как никакой уверенности в его иранском происхождении у автора нет, и, как он пишет, "этимология слова весьма проблематична" [9, с. 72]. В конечном счете неясно, почему вообще данное слово относится к числу заимствованных. Нам представляется наиболее вероятным его тюркское происхождение, но это — тема особой публикации.

Слово **jāk* "демон, злой дух" И.Н. Шервашидзе, вслед за некоторыми другими исследователями, возводит к пали *yakkho*, пракр. *yakkha* — "демон" через иранское посредство, но "многое здесь... остается неясным... прежде всего неизвестен язык-посредник..."⁴². Вместе с тем и "альтернативная теория В. Банга" и других тюркологов о производности *jāk* от *jā* — "есть" (т.е. "обжора") оценивается как "менее приемлемая" (по фонетическим основаниям) [9, с. 75].

В реальности же обе эти версии выглядят сомнительными, но скорее по семантическим и структурным причинам. Следует обратить внимание, что у соответствий слова **jāk* распространена семантика типа "отвратительный, ненавистный, противный, вредный, плохой" [38, с. 170], которая, возможно, является исходной и которая подтверждается значениями производных слов, в частности глаголом типа *jāksin* — "чувствовать отвращение; брезговать, ненавидеть" [38, с. 171].

С **jāk*, вероятно, связана и глагольная основа *jekir* — "чувствовать презрение; ненавидеть" [38, с. 173—174]. Не исключена, как мы полагаем, и его гомогенность с глаголом *jer* — "иметь отвращение, брезговать" [38, с. 193]. В случае с *jekir* высказана точка зрения о его производящей основе **jek* имитативного происхождения, с которой может быть связано и **jāk*. Последнее (в значении "демон") может быть также результатом контаминации тюрк. **jek* и иноязычного слова (например, скр. *yakṣa* — "сверхъестественное существо, дух", фигурирующего в древнетюркских памятниках в качестве прямого заимствования [28, с. 227]).

в) В разделе "Заимствования из неиранских индоевропейских языков" заметную группу составляют предполагаемые тохарские заимствования (тохаризмы), главным образом такие, которые характерны для древнетюркских памятников, но не сохранились в современных языках. В то же время И.Н. Шервашидзе констатирует, что "для рассуждений об активном влиянии тохарского на тюркский еще нет достаточных оснований — тохаризмов в общетюркском, несомненно, значительно меньше, чем китаизмов и иранизмов" [9, с. 80].

В публикации приводятся четыре таких "тохаризма": **jāgirmi* "двадцать", **künčit* "кунжут", **iör* "почетное место, место против входа", **tümān* (|| **tuman*) "десять тысяч", из которых три вызывают сомнение.

В двух случаях автор фактически ограничивается тем, что приводит предположения А. Рона-Таша о том, что источником тюркских слов являются тохарские. В частности, **jāgi-rmi* "двадцать" возводится к тох. В *ikān* [wiki] "двадцать". Шервашидзе, однако, не вполне уверен в надежности этой этимологии, поскольку "тохарская форма не может... объяснить наличие -r- в тюркском..." [9, с. 79]. Но между тюркским и тохарским словом существуют и другие формальные

⁴² Дж. Клосон допускает здесь посредничество согдийского или китайского языков [24, с. 910], но не приводит подтверждения этому.

различия: например, одно является трехсложным, а другое — двусложно. Требуют, наконец, объяснения и начальный *j-*, а также соноризация интервокального *-k-*. Как отмечается в одной из последних публикаций относительно происхождения тюркского числительного, его этимология пока не выяснена [38, с. 202]. Однако и тохарская версия не вносит ясности в эту проблему.

В принципе то же следует сказать и о случае с **tōr* < тох. В *twere* "дверь" [9, с. 80], который И.Н. Шервашидзе никак не комментируется и который, похоже, не вызывает у него сомнений, хотя это сопоставление выглядит произвольным как с фонетической, так и со смысловой стороны. Возникает вопрос, не относится ли оно (как, возможно, и предыдущее слово) к тем тюркско-тохарским сопоставлениям А. Рона-Таша, от которых затем отказался он сам (о чем уже упоминалось в начале нашей публикации).

Возможно, **tor* — все-таки тюркское по происхождению слово, которое первоначально могло означать возвышение (возвышенное место), о чем свидетельствуют, например, кирг. *tōr*, означающее не только "почетное место", но и "высокогорное пастбище", и ног. *tōr* со значениями "красный угол, почетное место (в глубине комнаты)" и "убранная, постланная постель".

В отличие от **jāgirmi* и **tōr*, сопоставление тюрк. **tūmān* с тох. А *tmām*, тох. В *tmāne*, *tumane* "десять тысяч" [9, с. 80], источник которого, как отмечалось, обычно ищут в иранских языках, вошло в справочные издания, хотя это сопоставление "все еще нуждается в систематическом изучении всех связанных друг с другом форм" [8, с. 101].

По мнению И.Н. Шервашидзе, «тохарское слово, по-видимому, имеет довольно надежную индоевропейскую этимологию — и.-е. **teu-* "толстеть"...», с которым сопоставляется несколько реальных и реконструированных форм конкретных и.-е. языков [9, с. 80, примеч. 32], из которых тюрк. **tūmān* (**tuman*) более близки латинская и греческая формы.

Трудно судить в полном объеме, насколько действительно надежна предлагаемая этимология, тем более что она не носит развернутого характера. Однако нами в недавней публикации была предложена собственно тюркская версия происхождения числительного **tūmān* [59], каковое, как нам теперь представляется, может быть истолковано в качестве одного из тюркизмов тохарского языка, реальность которых, как уже говорилось, допускается, в частности, Вяч. Вс. Ивановым.

Другая из наших, более ранних публикаций [60] посвящена происхождению слова **tāgri* "небо; бог", также входящего в рассматриваемый раздел статьи И.Н. Шервашидзе. Мы считаем, что его версия, согласно которой "тюрк. **tāgri* может восходить к и.-е. теониму **tūHyeu-* / **tūHyer-* [с анаграмматическими перестройками]..." [9, с. 83; см. также 61], не колеблет этимологии, предложенной в свое время нами.

В этом разделе помещены также слова **baltu* (**balta*) "топор; секира" и *balqa* ~ *balqa* и др. "молот, молоток" [9, с. 81—82, 83]. И.Н. Шервашидзе прав, считая, что второе из них "восходит к той же основе, что и тюрк. **baltu*", но с ним и его предшественниками трудно согласиться в том, что эти слова восходят к и.-е. слову (**peleku-*) семитского происхождения, хотя непосредственный их источник неизвестен. Ранее (в частности, К. Менгесом) эти слова истолковывались как древнемесопотамские заимствования. Нами предпринимается также попытка предложить тюркскую этимологию двух указанных слов [25, с. 147—148].

Тюрк. **alma* "яблоко" издавна считается и.-е. заимствованием, которое связывалось с санскритом [2, с. 138; 62, с. 161], а в последние годы выводится из "древнеиндоевропейского" **amli* "яблоко", что фонетически маловероятно. По мнению И.Н. Шервашидзе, "предположение о европейском источнике тюркских форм представляется необязательным", хотя в то же время "как (индо)-иранизм в тюркском квалифицировать слово, конечно, нельзя..." [9, с. 81].

Как и в некоторых других подобных случаях, возникает вопрос о причинах, по которым слово вообще считается заимствованием. В принципе форма **alma*,

как нам представляется, подобно слову **altun*, о котором говорилось выше, может быть связана с основой *al* "красный; румяный", или вернее, с образованным от нее глаголом **alī-* "краснеть". В связи с этим отметим, что у Э.В. Севортяна были определенные основания предполагать, что "старше формы *алма*, по-видимому, *алима* (возможно, с долготой начального *a*); как она представлена в саларском, куда перешла из монгольского" [2, с. 138]⁴³. В свою очередь, монг. (письм.-монг.) *alim-a*, вероятно, восходит к тюрк. *alima*.

Но загадочными остаются др.-тюрк. варианты названия яблока *alimla*, *almīla*⁴⁴, характер отношений которых к общетюркскому *alma* неясен. В частности, трудно утверждать со всей уверенностью, что эти варианты гомогенны с *alma*. Природа их отличий от него нуждается в уточнении. Возможно, именно формы *alimla* ~ *almīla* являются заимствованными. Во всяком случае, они ближе к **amilan*, восстанавливаемой А. Йоки и, по его мнению, представляющей собой праформу общекультурного слова, возникшего в районах Гиндукуша — Таджикистана и оттуда перешедшего, в частности, к тюркам (см. [62, с. 162—163]). Не исключено также, что *alimla* ~ *almīla* возникли в результате контаминации форм типа *alma* и **amilan*.

Тюркская глагольная основа **sūči-* "быть сладким" объясняется (в частности М. Рясняном и Г. Рамstedтом) как производное от *sūt* "молоко" (< *sūt-si-*), но И.Н. Шервашидзе такое сближение кажется "довольно натянутым" в семантическом плане [9, с. 82]. Он согласен, что **sūči-* могло восходить к форме **sūt-si-* (или **sūt-ši-*), которая сравнивается с и.-е. **syāt-* "сладкий" и, в частности, с и.-е. основой с конечным *-s* (представленной в др.-инд. и др.-греч.). Последняя, как предполагается, и послужила базой для тюркской формы. Конкретный язык-источник, как и в ряде других случаев, остается неизвестным.

Следует сказать, что в обеих версиях присутствует определенная фонетическая неясность, связанная с природой аффрикаты *-č-*: и в том, и в другом случае остается неясным, как она возникла. Сомнительно рассматривать *-č-* как результат сложения **sūt-si-*, а альтернативная ей форма **sūt-ši-* в свою очередь нуждается в разъяснениях. В случае индоевропейской версии возникают и другие проблемы фонетического характера (связанные, в частности, с вокализмом).

Думается также, что возможности объяснения происхождения тюрк. **sūči-*, исходя из данных тюркских языков, пока не исчерпаны. В частности, этимология слова **sūt* "молоко", а значит, его исходная семантика и структура еще неизвестны, и, следовательно, преждевременно отвергать его связь с **sūči-*, хотя едва ли можно представлять последнее как производное от **sūt*.

г) Последний раздел публикации И.Н. Шервашидзе, носящий название "Заимствования из прочих языков", включает в основном слова, источниками которых считаются уральские языки. Таких случаев всего четыре (названия объектов фауны и флоры), и в основном они вызывают замечания и возражения.

Характер тюркско-уральских языковых контактов во многом остается неясным, и проблемой является сама гомогенность сопоставляемых слов⁴⁵. Но даже если согласиться, что они действительно имеют общее происхождение, то направление заимствования нуждается в дополнительном обосновании. Это констатирует сам

⁴³ Возможно, по первоначальной семантике **al(ī)ma* было близко к *al* ("красный, румяный, рыжий" и т.п.), и эта семантика реализовалась в составе таких наименований, как туркм. *almabaş* "нырок красноголовый", тур. *elmabaş* "чома", узб. *almabāš* "нырок красноносый" (букв. "красная голова") (если эти наименования не восходят к сравнительным конструкциям с *alma* "яблоко", что также вероятно), а также узб. *almahān* "белка". Этимология последнего, кажется, неясна. См. [63].

⁴⁴ Такая форма отмечена также в языке халаджей: см., в частности [62, с. 161].

⁴⁵ Это следует сказать не только о материале, содержащемся в [9], но и о других предполагаемых заимствованиях из уральских языков в тюркской лексике (в частности, анатомической) [13, с. 210 и сл.], которые могут быть предметом специального анализа.

автор в случае тюрк. **kundur* (*kunduz*) "бобр", которое обычно сопоставляется с угорскими формами типа хант. *χundil* "крот", манс. *χont'eŋ* "бобр". Это сопоставление И.Н. Шервашидзе представляется "вполне надежным", а "критика Г. Дёрфера... кажется неоправданной" [9, с. 85], что, однако, не подкреплено никакими аргументами и остается не более чем субъективным высказыванием.

Даже если принять за первичную форму ту, которая характеризуется ротацизмом (**kundur*), все равно нуждается в разъяснении появление *-r* на месте *-l*. Если же первичным считать "сигматический" вариант *kunduz* (что мы полагаем более обоснованным), то сопоставление тюркских и уральских форм едва ли может привести к выводу о возведении одной из них к другой (в частности, тюркской к уральской).

Сходная ситуация наблюдается и со словом **kiš* (**kiŋ*) "соболь", по поводу происхождения которого существуют весьма разноречивые суждения. И.Н. Шервашидзе считает "вполне надежной" версию о заимствовании слова из самодийского источника (сельк. *ši*, камас. *šili* < самод. **kili*) и замечает, что "менее вероятно... обратное направление заимствования, предполагаемое А. Йоки" [9, с. 85], и не только им (см. [64]). Упоминается также о критике Г. Дёрфером данного тюркско-самодийского сближения.

Так или иначе, мнение о надежности версии самодийского происхождения приводимого выше тюркского названия соболя выглядит преувеличенным: в частности, вызывает сомнение первичность формы с ламбдаизмом (**kiŋ*). Не случайно, что и в последующих исследованиях об этом слове говорится как об одном из вероятных самодийских заимствований в тюркских языках [65] или же направление заимствования здесь четко не определяется [66].

Применительно к слову **däjin* (> *tdjin*) "белка" И.Н. Шервашидзе воспроизводит мнение М. Рясанена, выводящего тюркское слово из финно-угорского [9, с. 85], но практически ограничившегося лишь его сопоставлением с хант. *taŋGe* "белка; копейка", манс. *lein* "белка; деньги" [42, с. 470]. Обоснований заимствования не приводится, и оно остается недоказанным. Автор также оспаривает мнение М. Рясанена о связи *tdjin* с др.-тюрк. *tdgin* "соболь", с чем едва ли следует согласиться (см. также [16, с. 180—181; 67]).

Попытку дать собственно тюркскую этимологию тюркского названия белки см. в нашей публикации [68].

Предпринимая эту работу, мы имели в виду побудить читателя к иному взгляду на целый ряд слов тюркских языков, считающихся (и притом в значительной части традиционно) заимствованиями, не претендуя в то же время на полный анализ всех относимых к их числу лексем. Тем не менее большинство приводимых в основной публикации И.Н. Шервашидзе [9] и относимых им к общетюркским (и вместе с тем к древним) слов порождает в этом плане сомнения и вопросы, а к части из них предлагаются альтернативные (генуинные) этимологии.

Предметом специального рассмотрения должна стать тюркская титулатура, происхождение которой анализируется в основном в другой публикации И.Н. Шервашидзе [10]. Лишь отдельные титулы включены им в число общетюркских слов (например, **bäg* "правитель, вождь, бек" [9, с. 57—58]). Но, думается, рассматриваемым автором титулам (исключая те, что зафиксированы только в древнетюркских памятниках) имеет смысл уделить внимание в одной общей работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

45. Карачаево-балкарско-русский словарь. М., 1989.
46. Турецко-русский словарь. М., 1945. С. 126.
47. Левитская Л.С. Кумыкские этимологии // Тюркологические исследования. М., 1976. С. 133—134.

48. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. С. 21.
49. Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений. Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. М., 1989. С. 89.
50. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Т. I. [М.], 1958.
51. Якутско-русский словарь. М., 1972.
52. Харитонов Л.Н. Типы глагольной основы в якутском языке. М.; Л., 1954. С. 286.
53. Башкорт һөйләштәренә һүзләге. Т. III. Өфө, 1987. Б. 34.
54. Базен Л. Концепция возраста у древних тюркских народов // Зарубежная тюркология. Вып. 1: Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 370.
55. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. М., 1989. С. 284.
56. Монгол орос толь. М., 1957. С. 405.
57. Севортян Э.В. О содержании термина "общетюркский" // СТ. № 2. С. 4.
58. Покровская Л.А. Термины родства в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 72.
59. Татаринцев Б.И. Происхождение этнонима *тона* ~ *туба* ~ *тыва* и некоторых других сходных с ним наименований // СТ. 1990. № 2. С. 81—82.
60. Татаринцев Б.И. О происхождении тюркского наименования неба (*tägrü* и его соответствия) // СТ. 1984. № 4.
61. Шервашидзе И.Н. Об одном древнем миграционном термине // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: Тез. докл. XXX сессии Постоянной международной алтаистической конференции. II: Лингвистика. М., 1986.
62. Дмитриева Л.В. Из этимологии названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979.
63. Щербак А.М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 143.
64. Лигети Л. К вопросу об "алтайских" элементах венгерского языка // Исследования венгерских ученых по чувашскому языку. Чебоксары, 1985. С. 115.
65. Хелимский Е.А. Ранние этапы этногенеза и этнической истории самоийцев в свете языковых данных // Проблемы этногенеза и этнической истории самоийских народов: Тез. докл. областной научн. конф. по лингвистике. Омск, 1983. С. 7.
66. Yappunen Y. Samojed-altaic contacts — present state of research // Altaica: Proc. of the 19th annual meeting of the Permanent International Altaic Conference. Helsinki, 1977. P. 126.
67. Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991. С. 14, 121.
68. Татаринцев Б.И. О специфике семантической реконструкции в условиях отдаленности значений многозначных слов // СТ. 1988. № 1. С. 24—25.